

бург

Лотарингия

Германия

Страсбург

Концлагерь Ширмек

Концлагерь Натцвейлер-Штрутгоф

Кольмар

Шварцвальд

Херцогенвайлер

Аульфинген

Мюлуз

Бартенгейм

Вайль-ам-Рейн

Базель

Швейцария

Констанц

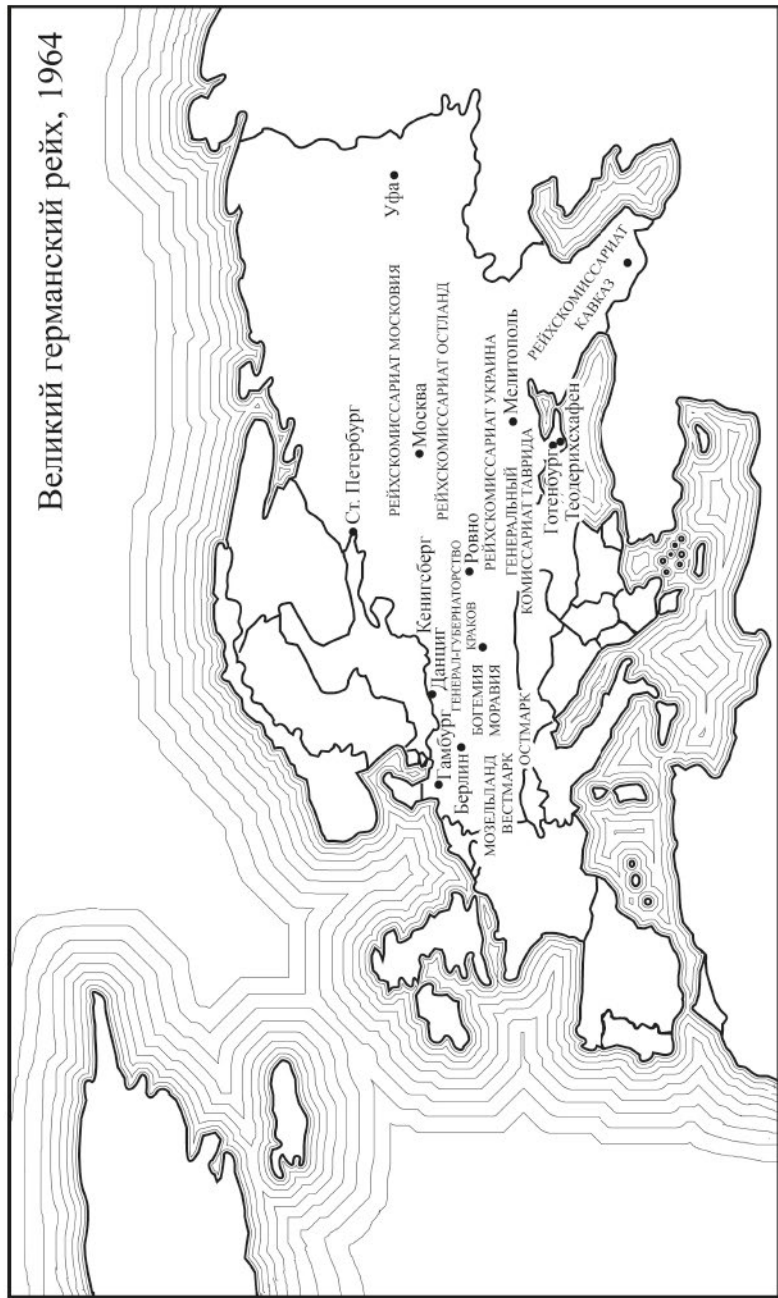
Боденское озеро

Рейн

Рейн

Вогезы

Великий германский рейх, 1964

Нужно было грубой силой поставить у власти в Европе сто миллионов самоуверенных немецких хозяев и удержать их господство посредством монополии на техническую культуру и рабского труда вырождающихся, заброшенных, неграмотных кретингов, для того чтобы они могли располагать досугом и носиться по бесконечным автобанам, любоваться туристическими лагерями спортивного общества «Сила через радость», штаб-квартирой партии, военным музеем и планетарием, который фюрер должен был построить в Линце (его новом Гитлерополисе), бегать по местным картинным галереям и есть сдобные булочки с кремом под бесконечные записи «Веселой вдовы». Таким должно было стать немецкое тысячелетнее царство.

*Хью Тревор-Ропер.
Образ мыслей Адольфа Гитлера*

Иногда мне говорят: «Остерегайся! Тебе навяжут двадцать лет партизанской войны!»

Я в восхищении от такой перспективы: Германия будет оставаться в состоянии постоянной боевой готовности.

Адольф Гитлер, 29 августа 1942 года

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Вторник, 14 апреля 1964 года

Клянусь тебе, Адольф Гитлер,
Как фюреру и канцлеру германского рейха,
Быть преданным и смелым.
Клянусь повиноваться до самой смерти
Тебе и вышестоящим лицам,
Которых ты назначишь.
Да поможет мне Бог.

Клятва СС

Всю ночь Берлин давили тяжелые тучи, постепенно рассеивающиеся по мере наступления хмурого утра. На западных окраинах города порывы ветра гоняли по озеру Хафель струи дождя.

Небо и вода слились в одну серую пелену, слабо разделенную только темной линией противоположного берега. Ни движения. Ни проблеска света.

Ксавьер Марш, следователь по делам об убийствах берлинской криминальной полиции — крипо, выбрался из своего «фольксвагена» и подставил лицо дождевым струям. Такой дождь всегда доставлял ему удовольствие. Его вкус и запах были ему хорошо знакомы. Этот холодный, пахнувший морем, с терпким привкусом соли дождь принесло с севера, с Балтики. На мгновение Марш перенесся на двадцать лет назад, в рубку подводной лодки, с потушенными огнями уходящей в темноту из Вильгельмсхафена.

Он взглянул на часы. Начало восьмого.

На обочине впереди него стояли еще три автомобиля. Владельцы двух спали за рулем. Из открытого окна третьего — патрульной машины регулярной полиции — ордунгполицай, или орпо, как ее называл каждый немец, — в сыром воздухе было слышно потрескивание радиопомех, перемежаемое врывающейся в эфир словесной скороговоркой. Вращающийся фонарь на крыше машины бросал свет

на придорожный лес: синий — черный, синий — черный, синий — черный.

Марш огляделся, ища патрульных орпо, и увидел их у озера под не спасающей от дождя березой. Что-то белело у них под ногами. На валявшемся поблизости бревне сидел молодой человек в черном тренировочном костюме со значком СС на нагрудном кармане. Он сгорбился, упершись локтями в колени, обхватив голову руками, — воплощение безысходного отчаяния.

Марш в последний раз затыкнулся и щелчком отбросил сигарету. Она, зашипев, потухла на раскисшей дороге.

При его приближении один из полицейских поднял руку:

— Хайль Гитлер!

Не обращая на него внимания, Марш заскользил вниз по грязному берегу, чтобы осмотреть труп.

Это было тело старика — холодное, тучное, лишенное растительности и отвратительно белое. Со стороны оно могло бы показаться брошенной в грязь гипсовой статуей. Выпачканный труп лежал наполовину в воде лицом вверх, широко раскинув руки и откинув голову назад. Один глаз плотно закрыт, другой, злобно прищурившись, глядит в грязное небо.

— Как вас звать, унтервахтмайстер? — не отрывая глаз от тела, спросил Марш, обращаясь к полицейскому.

Тот взял под козырек:

— Ратка, герр штурмбаннфюрер.

Штурмбаннфюрер было эсэсовское звание, равнозначное военному рангу майора, и уставший как собака и промокший до нитки Ратка изо всех сил старался показать уважение к столь высокому чину. Даже не глядя на него, Марш знал, к какому типу служаков тот относится: трижды безуспешно обращался с просьбами о переводе в крипо; покорная жена, подарившая фюреру футбольную команду

детишек; жалованье двести рейхсмарок в месяц. Живы надеждами.

— Итак, Ратка, — негромко продолжал Марш, — когда его обнаружили?

— Чуть больше часа назад, герр штурмбаннфюрер. Мы заканчивали смену, патрулировали в Николасзее. Приняли вызов. Срочный. Были здесь через пять минут.

— Кто его нашел?

Ратка показал большим пальцем через плечо.

Молодой человек в тренировочном костюме поднялся на ноги. Ему нельзя было дать больше восемнадцати. Коротко подстрижен, так, что сквозь светлые волосы проглядывала розовая кожа. Марш заметил, что он избегает смотреть на тело.

— Фамилия?

— Рядовой СС Герман Йост, герр штурмбаннфюрер. — Он говорил на саксонском наречии, нервно, неуверенно, стараясь угодить. — Из военного училища «Зепп Дитрих» в Шлахтензее. — (Марш знал это заведение: уродливое сооружение из бетона и асфальта, построенное в 1950 году к югу от Хафеля.) — Я часто бегаю здесь по утрам. Было еще темно. Сначала я подумал, что это лебедь, — добавил он, беспомощно разведя руками.

Ратка презрительно фыркнул. Еще бы, курсант школы СС испугался одного-единственного мертвеца! Неудивительно, что войне на Урале не видно конца.

— Видели кого-нибудь еще, Йост? — дружелюбно, потечески продолжал спрашивать Марш.

— Никого, герр штурмбаннфюрер. На площадке для пикников, это полкилометра отсюда, есть телефон. Я позвонил, потом вернулся и стал ждать полицию. На дороге не было ни души.

Марш снова взглянул на покойника. Ну и жирен. Килограммов на сто десять.

— Давайте-ка вытащим его из воды. — Он обернулся к дороге. — Пора будить наших спящих красавцев.

Ратка, переминаясь с ноги на ногу, ухмыльнулся.

Дождь усилился, и другой берег озера совсем исчез из виду. Капли барабанили по листьям деревьев и крышам автомашин. Ливень принес терпкий запах богато удобренной земли и гниющей растительности. Марш не замечал, что его волосы прилипли к голове, по спине текли струйки воды. Он знал: каждое дело, пусть самое будничное вначале, может стать для него интересным.

Ему сорок два года. Стройная фигура, седая голова и холодный взгляд серых, под цвет неба, глаз. Во время войны Министерство пропаганды называло подводников «серыми волками», и в некотором смысле это прозвище очень подходило Маршу — он был упорным сыщиком. Но по своей натуре он не был волком, не бегал в стае, больше полагался на свой мозг, нежели на мускулы. Поэтому скорее его можно было назвать «лисой», что и делали коллеги.

Погода для подводной лодки!

Он распахнул дверцу белой «шкоды». В лицо пахнуло нагретым спертым воздухом из автомобильной печки.

— Доброе утро, Шпидель! — потряс он костлявое плечо полицейского фотографа. — Пора и помокнуть.

Шпидель, вздрогнув, проснулся и сердито уставился на Марша.

Когда он подходил к следующей «шкоде», водитель уже опускал стекло.

— Все в порядке, Марш. Все в порядке, — тоном оскорбленного достоинства пропихнул патологоанатом крипо, офицер медицинской службы СС Август Эйслер. — Оставьте свой казарменный юмор тем, кто его ценит.

Они собрались у кромки воды, за исключением доктора Эйслера, который встал в стороне, спрятавшись под допотопным черным зонтом. Шпидель ввернул лампочку

вспышки и осторожно поставил правую ногу на ком глины. Выругался, когда набежавшая волна лизнула его ботинок:

— Вот дрянь!

Вспышка на мгновение высветила белые лица, серебряные нити дождя, темный лес. Из ближайших камышей на шум выплыл лебедь и стал ходить кругами в нескольких метрах от них.

— Гнездо стережет, — заметил юный эсэсовец.

— Еще один снимок вот отсюда, — указал Марш. — И отсюда.

Шпидель снова выругался, вытаскивая из грязи промокший ботинок. Дважды сверкнула вспышка.

Марш наклонился и взял тело под мышки. Оно было жестким, словно резина на холоде, и скользким.

— Ну-ка помогите.

Полицейские с обеих сторон ухватили труп за руки, пыхтя, приподняли его и поволокли по грязному берегу на пропитанную водой траву. Разгибаясь, Марш поймал взгляд Йоста.

На старике были спустившиеся до колен голубые плавки. В ледяной воде половые органы съежились — в черных волосах белели крошечные яички.

Левая ступня — до низа икры — отсутствовала.

Так и должно быть, подумал Марш. День будет непростым. Начинаются интересные события.

— Герр доктор, будьте любезны, ваше мнение.

Не скрывая раздражения, Эйслер грациозно шагнул вперед, снимая на ходу перчатку. Не отпуская зонга, тяжело наклонился и ощупал пальцами культию.

— Гребной винт? — спросил Марш. Ему встречались тела, вытащенные из водоемов с оживленным движением — озера Тегелер и реки Шпрее в Берлине, из Альстера в Гамбурге, — которые выглядели так, будто над ними поработали мясники.

— Нет, — Эйслер отнял руку, — давнишняя ампутация. Правда, довольно умелая. — Он с силой нажал кулаком на грудь мертвеца. Из рта и пузырями из ноздрей хлынула грязная вода. — Трупное окоченение, довольно длительное. Смерть наступила двенадцать часов назад. Возможно, позднее.

Он снова надел перчатку.

Сквозь деревья позади них послышался шум дизеля.

— Санитарная машина, — сказал Ратка. — Не слишком-то торопятся.

Марш подозвал Шпиделя:

— Сделайте еще снимок.

Следователь закурил, глядя на труп. Затем присел на корточки и посмотрел в открытый глаз покойника. Он оставался в таком положении довольно долго. Еще раз сверкнула вспышка фотоаппарата. Лебедь, взмахнув крыльями, приподнялся из воды и повернул к середине озера в поисках пищи.

Штаб-квартира крипо расположена на другом конце Берлина, в двадцати пяти минутах езды от Хафеля. Маршу требовались показания Йоста, и он предложил подбросить его до казармы, чтобы тот переоделся, но Йост отказался, ему хотелось поскорее с этим покончить. Поэтому, как только тело погрузили в «санитарку» и отправили в морг, они в маленьком четырехдверном «фольксвагене» Марша принялись кружить по забитым машинами улицам города.

Наступило мрачное утро, какие бывают в Берлине, когда широко известный «берлинский воздух» не столько бодрит, сколько просто пропитан влагой, которая тысячами морозных иголок колет лицо и руки. На Потсдамском шоссе редкие прохожие жались к стенам домов, спасаясь от струй воды из-под колес проходивших мимо машин. Сквозь испещренные дождем стекла они представлялись Маршу слепцами, нащупывающими дорогу.

Во всем этом не было ничего из ряда вон выходящего. Но именно это позднее поразит его больше всего. Все равно что попасть в тяжелую аварию: до нее ничего необычного, потом сам несчастный случай и только после — навсегда изменившийся мир. Ибо то, что из Хафеля выловили тело, было вполне будничным явлением. Такое случалось по крайней мере дважды в месяц — бродяги и разорившиеся бизнесмены, неосторожные ребята и безнадежно влюбленные подростки. Несчастные случаи, самоубийства и убийства; отчаяние, глупость, горе.

Телефон зазвонил в квартире Марша на Ансбахерштрассе в четверть седьмого. Звонок его не разбудил. Он лежал в полумраке с открытыми глазами, прислушиваясь к дождю. Последние месяцы он плохо спал.

— Марш? Нам сообщили, что в Хафеле нашли тело. — Это звонил ночной дежурный крипо Краузе. — Съезди взгляни.

Марш ответил, что его это дело не интересует.

— Интересно это тебе или нет, вопрос другой.

— Мне неинтересно, — повторил Марш, — потому что сегодня не мой день. Я дежурил на прошлой и позапрошлой неделе. — И за неделю до того, мог бы он добавить. — Сегодня у меня выходной. Посмотри еще раз в свой список.

На другом конце замолчали, потом Краузе снова взял трубку и неохотно извинился:

— Твое счастье, Марш. Я смотрел график на прошлую неделю. Можешь снова спать. Или... — хихикнул он, — или продолжать свое занятие.

Порыв ветра хлестнул дождем по окну и застучал о раму.

При обнаружении мертвого тела следовали принятому порядку: на место были обязаны немедленно выехать патологоанатом, полицейский фотограф и следователь. Следователи выезжали в порядке очередности, установленной в штаб-квартире крипо на Вердершермаркт.

— А кто дежурит сегодня, ради интереса?

— Макс Йегер.

Йегер. Марш сидел с ним в одном кабинете. Он взглянул на будильник и представил маленький домик в Панкове, где жил Макс с женой и четырьмя дочерьми: по будням он их видел только за завтраком. А Марш разведен и живет один. Он освободил вторую половину дня, чтобы побыть с сыном. Но пока предстояли долгие утренние часы, пустое время. Он подумал, что неплохо для разнообразия чем-нибудь заняться.

— Ладно, не трогай его, — сказал он. — Я все равно не сплю. Беру.

Это было почти два часа назад. Марш взглянул в зеркальце на своего пассажира. С тех пор как они покинули Хафель, Йост не произнес ни слова. Он напряженно сидел на заднем сиденье, глядя на проплывающие мимо серые здания.

У Бранденбургских ворот полицейский на мотоцикле флажком дал ему знак остановиться.

На Паризерплац под старый партийный марш, топя по лужам, кружили оркестранты СА в промокшей коричневой форме. Сквозь закрытые окна «фольксвагена» доносились приглушенные звуки барабанов и труб. У Академии искусств, съездившись под дождем, собралось несколько десятков зевак.

В это время года, проезжая по Берлину, нельзя было не встретить подобных репетиций. Через шесть дней наступит день рождения Адольфа Гитлера — День Фюрера, национальный праздник, — и все оркестры рейха выйдут на парад. Стеклоочистители отмеряли время, словно метрономы.

— Вот самое убедительное свидетельство того, — пробормотал следователь, глядя на толпу, — что при звуках марша немцы теряют голову.

Он повернулся к Йосту. Тот ответил слабой улыбкой.

Мелодия завершилась бряцанием тарелок. Раздались жидкие аплодисменты. Капельмейстер повернулся к публике и поклонился. А за его спиной музыканты кто шагом, кто бегом поспешили к автобусу. Полицейский на мотоцикле подождал, пока не очистится площадь, потом дал короткий свисток. Махнув рукой в белой перчатке, он пропустил их через Бранденбургские ворота.

Впереди открывалась Унтер-ден-Линден. Она утратила свои липы в тридцать шестом — результат официального вандализма в канун берлинских Олимпийских игр. На месте срубленных деревьев гауляйтер города Йозеф Геббельс

воздвиг по обе стороны улицы десятиметровые каменные колонны, на каждой из которых, распахнув крылья, взгромоздился партийный орел. Сейчас с их клювов и кончиков крыльев капала вода.

Марш притормозил у светофора на перекрестке у Фридрихштрассе и свернул направо. Две минуты спустя они были на стоянке напротив здания крипо на Вердершермаркт.

Это было уродливое строение — шестиэтажное, массивное, закопченное чудовище времен Вильгельма, стоявшее на южной стороне площади. Последние десять лет Марш бывал здесь практически семь дней в неделю. Как часто жаловалась бывшая жена, он знал это место лучше собственного дома. Внутри здания, сразу же за скрипучей вращающейся дверью и часовыми-эсэсовцами, висела доска, оповещавшая, насколько тревожна ситуация с терроризмом. Четыре цвета по возрастающей обозначали степень опасности: зеленый, синий, черный и красный. Сегодня, как всегда, вывешен красный.

Двое часовых в стеклянной кабине при входе в вестибюль тщательно проверили документы. Марш предъявил удостоверение и расписался за Йоста.

В крипо было оживленнее обычного. В неделю, предшествующую Дню Фюрера, нагрузка на полицию увеличивалась втрое. По мраморному полу стучали каблучками секретарши с коробками личных дел. В воздухе стоял густой запах сырой одежды и мастики для пола. Группки служащих орпо в зеленом и крипо в черном перешептывались о свежих преступлениях. Над их головами с противоположных сторон вестибюля смотрели друг на друга пустыми глазницами бюсты фюрера и руководителя службы безопасности рейха Рейнхарда Гейдриха.

Марш отодвинул металлическую решетку лифта и пропустил внутрь Йоста.

Силы безопасности, которыми руководил Гейдрих, делились на три части. На нижней ступени иерархии нахо-